

ПРЯТКИ

– Раз, два, три, четыре, пять! Я иду тебя искать!.. – Вовка старался выкрикивать погромче, отчего его голос временами срывался на какой-то противный писк.

Я знаю, что он старался разглядеть сквозь щёлки между пальцами, кто куда побежал. Вовка всегда хитрил. Хотя, если честно, то мы все так делали, иначе можно было искать до вечера, а потом возвращаться, никого не найдя, под ехидный смешок друзей.

В этот раз я решил обмануть Вовку. Пусть неповадно будет! Сначала побежал в сторону садика, потом, завернув за него, припустил напрямик через низкий штакетник к пруду. Берег с этой стороны был обрывистый, с нависшей козырьком выгоревшей длинной травой. После недавнего дождя глина ещё не просохла, и ноги постоянно съезжали к воде. Измазался сразу весь, но главное – чтоб не нашли, остальное – ерунда! Вот и удобный уступ, в который можно упереться ногами. Я сидел на корточках, прислонившись спиной к прохладной, но сухой глине. Потирал довольно руки и бесшумно хихикал, представляя, как Вовка уже нашёл Лёньку, Сашку и Тольку, а теперь носится вокруг садика и даже не подозревает, что искать меня надо совсем в другой стороне! Скоро сидеть стало скучно. Я начал представлять, что по пруду плывёт большой корабль, на палубе бегают матросы, а у штурвала одноногий капитан с косматой бородой. Капитан отдавал команды, лихо крутя штурвал то в одну, то в другую сторону.

Матросы убирали одни паруса, расправляли другие...

Вдруг какое-то шипение послышалось на корабле. Сначала оно было тихим, но становилось всё громче и отчётливее. Шеи коснулось что-то холодное... Я распахнул глаза... С земляного козырька свесилась змея и извивалась у лица, щекоча кожу языком. Временами из её пасти вылетало прерывистое шипение. От неприязни тело пыталось содрогнуться, но я так боялся, что змея может укусить, что напрягал мышцы во всю силу, только чтоб не пошевелиться. Я так хотел, чтоб она скорее уползла! Но вместо этого длинная гадина скользнула по плечу и обвила шею! В таких объятиях я оказался впервые! Ноги уже затекли настолько, что сквозь вату, в которую превратилось всё, что ниже колен, начали проникать иголки, больно коловшие сначала подошвы, а потом и икры. Как я хотел схватить эту змею, скрутить в узел, порвать на кусочки! Но даже лишним вдохом мог её разозлить... Солнце уже клонилось к закату, покраснев и осветив обрыв вместе со мной. Где-то над головой, на невидимом дереве закаркала ворона. По лицу потекли солёные слёзы – вот так умри, и никто не спасёт! Никому нет дела, куда я пропал! Ну, дёрнуло же меня залезть под этот злосчастный обрыв! В груди становилось всё горячее и горячее, а горло ещё более крепким обручем, чем змеиным, сжимало желание разреветься в голос. Да! Как маленькому сопляку! Просто разреветься! Мужчины тоже имеют право иногда плакать!

«Пожалуйста! Пожалуйста, хватит! Уползай к себе! Я же ни в чём не виноват! Чего ты ко мне привязалась?» – начал уже мысленно уговаривать я эту прилипчивую змею. Как ни странно, она будто услышала мои мысли! Легко соскользнув, она нырнула в воду и поплыла, извиваясь всем телом. Вот тут я и дал рёву!

Домой шёл, когда луна всю светила над домами. Грязный, уставший... В голове крутились мысли: «Ведь не укусила! Просто спала, как на дереве! И меня послушала,

когда по-хорошему думать о ней начал!» От этого в груди зарождалось если не любовь, то уважение.

Позади послышался звонок велосипеда. Я оглянулся. Меня догонял отец с ивовым прутом, зажатым ладонью вместе с рулём:

– Ах, ты, шалопай! Мы с матерью уже обыскались! Все по домам сидят, а он только плетётся! Ну-ка бегом, чтоб пятки сверкали! Я тебе...

ИСТОРИЯ В ГЛАЗАХ

Здравствуй, человек! Да, именно ты, что стоит сейчас в очереди, задумчиво пересыпая монеты из ладони в ладонь. Что в твоей голове? Что в глазах? Позволь мне заглянуть, разреши прочитать твою историю...

Поднял голову, отрешённо озирается по сторонам. Только миг жизни успеваю выхватить из его глубин.

– Бабушка! А почему это озеро Завидным называется? – прыгает малыш по помосту возле пожилой женщины, полощущей бельё. Молчит она задумчиво. Разбегаются волны от широких ритмичных махов. Ослепительно светит солнце, пахуче нагревая непокрытую макушку.

– Ну, ба... – нетерпеливо тянет мальчонка.

Наконец оттолкнулась женщина свободной рукой от края, встала на колени, перехватила выполощенную вещь поперёк, скрутила в тугий жгут, отжимая озёрную воду. Улыбается чему-то своему, в глазах блики, как от солнца на глади воды. Обернулась, кинула тряпку в плетёную потёртую корзину.

– Слышала я от бабки своей такую историю. Жил на этом месте вольный люд. Всего им хватало – и зверя в лесу, и зерна с полей, и рыбы из озера. Далеко до других деревень. И то хорошо – ни оброку платить не нужно, ни на барина спину гнуть. Да только недолго счастье их вольное длилось, – вздохнула женщина, сжалось в груди, защекотала неожиданная слеза. Старость – она жалостливая. Промокнула уголком передника глаза,

продолжила. – Занесла барина нелёгкая, когда на охоте был. Вылетел на своем коне прямо на деревню эту. Загорелись алчно глаза – столько добра, да не его всё! И об охоте забыл! Подъехал к мужику, что сено косил в стороне.

– Это что, – говорит, – за деревня?

– Да без названия деревня-то... – почёсывая затылок, молвил мужик тот, опустив косу.

– Это как же без названия? На чьей земле значитеесь? – ёрзает от нетерпения барин в седле. Прикидывает, как к своим угодыям присоединить, кому челобитную писать.

– Так вот, без названия. Наша она, на нашей земле. Отцы и деды на ней жили, – пожал плечами мужик.

– А бумага есть? – уже то ладони потирает, то брюхо своё откормленное почёсывает барин.

– Какая такая бумага? – оторопел мужик. Никто раньше не спрашивал такого, не заходили чужаки на эту землю.

– Ну, так моя земля-то! Десятину с вас всего дохода брать буду! – совсем осмелел барин. Пот на лбу крупными каплями от удовольствия сверкает, покраснелся весь. Говорит: – Приеду на неделе с обозами. Чтоб всё собрали мне!

Стегнул плёткой мужика вдоль спины, для острастки. Да на солнце взглянув, покакал восвояси.

Собрались жители деревни. Гудят споры – не было такого, чтоб хозяином кто их назывался! С чего ради должны они своими руками добытое отдавать кому-то?

Прошло время. Катит по полю бездорожному обоз барский. На кочках подпрыгивает, колеса бьёт. Только встретила деревня их не оброком подготовленным, а рогатинами да топорами. Разбили телеги, приехавших помяли хорошо. Барина в озеро это и загнали. Сгинул в нём. Недолго радовались только... Вскоре за этим обозом другие пришли. С другим барином. Подчинили вольную деревню. На завидный кусок всегда хозяин найдётся... Вот и назвали озеро Завидное с тех пор. Даже среди баринов за

него споры были. Народу, конечно, больше всего доставалось...

Сидит притихший мальчишка на краю помоста, ноги в воду опустил. Смотрит женщина вдаль точно таким же взглядом, что ты в очереди... Твоими глазами смотрит... Видно, много похожих историй хранит душа, да купил уже булку хлеба, пропал в толчее улиц... Не увижу большего...

МОСТИК В ДЕТСТВО

Сергей вышел из подъезда. Утро только занималось на востоке. Его серебристый ниссан покрылся островками инея на стекле и капоте. Свежо. Поздняя осень уже каждую ночь щекотала подстывшую землю чувствительным морозцем. Ни звука вокруг. Даже ворона, ночующая в их дворе, ещё молчала.

Сергей завёл двигатель, чтоб прогреть машину... И в этот момент раздался залихватистый щенячий лай. Из соседнего подъезда выскочил мальчишка с маленьким пушистым комочком, обещавшим в будущем стать крупной породистой собакой.

– Фу! Рядом, Джек! Рядом! – командовал мальчишка.

Невольная улыбка скользнула по лицу при взгляде на эту парочку, а память уже понесла назад, в такое же детство... Или не такое же... Кто его знает?

Вспомнилась такая же холодная, промозглая осень. Рядом шёл отец, такой большой, казалось, подпирающий своей шапкой небо... Горячая рука сжимала маленькую ладошку... Под ногами хрустели примороженные коричневые листья, по деревьям скакали сороки, трещина на всю улицу... Куда они шли? Сергей уже не помнил... Помнил только, как услышал жалобный плач под низко сидящим балконом какой-то пятиэтажки.

– Папа, папа, там щенок! Папа, смотри, какой он маленький! Папа, ну давай возьми! – вторил скулящему щенку маленький Серёжа, готовый уже по-девчачьи пустить слезу.

– А ну, не реветь! Мужик ты или как? – отец тогда так строго глянул, что внутри всё сжалось: «Запретит!»

Но, на удивление, взгляд его потеплел, глаза озорно блеснули, и он заговорщицки прошептал: «А возьми! Уж не выгонит же нас мамка?!»

Так появился Нил. Верный друг на долгие годы... Сергей сидел и улыбался, глаза подёрнулись поволокой, а пальцы сами собой перебирали меховую оплётку руля, будто это была холка щенка из детства.

Щенка поселили в сарае под столярным столом отца, на душистых опилках, прям как в «Каштанке». Серёжка тогда тоже почти перебрался в сарай. На опилки в качестве подстилки пошла отцовская старая фуфайка, а отец приладил к столу байковое одеяло. Получился уютный домик, в котором часами мог сидеть Серёжка, обнимая Нила и рассказывая ему свои мечты и фантазии, делился своими тайнами и детскими горестями. Иногда родители находили его там, так и уснувшего вместе со щенком. Так шли месяцы, даже годы... Пока домик под столярным столом не стал тесен для взрослого пса и подросткового мальчишки...

Телефонный звонок выдернул из тёплых, словно собачий бок, воспоминаний... «Нет, Илье нужно купить собаку! У человека обязательно должен быть четвероногий друг! А в кладовке под полкой сделаем лежанку, уютный домик детства!.. Вот вернись и купи!»

Прогревшаяся машина легко выскользнула со стоянки и растаяла в утренней осенней дымке...

ДУША

Вокруг простиралась тьма. Тягучая, густая, оседаемая... Не было слышно ни собственного дыхания, ни привычного биения сердца... От этого всего было не по себе.

– Эй, есть тут кто-нибудь?

Эхо разнеслось в пустоте, отражаясь от невидимых преград.

– Да, душа, здесь ты не одна, и одна одновременно!

– Душа? Но я Настя! Анастасия Игоревна Кускова!

– Была! Там, на Земле!

– Ну как это была? Есть! Ведь я чувствую, мыслю!.. – возмущение душило, не давая сделать вдох. Хотелось доказать этому кому-то невидимому. Она протянула вперёд руки, но вместо них перед ней зияла всё та же тьма...

Хотелось доказать этому кому-то невидимому. Внутри всё похолодело, закололо сотней крохотных иголочек...

– Нет, душа! Твоё тело отжило своё! Ты прошла тот урок!

– Какой ещё урок? Там же мама, папа, Алёнка, муж... Там моя жизнь!..

Мысли неслись, сталкиваясь друг с другом, каждая клеточка, или не клеточка, а атом, эфир, были натянуты, звенели от натуги, готовые лопнуть...

– Твоя жизнь? Что было твоей жизнью?

Вдруг тьма ожила, отступила... Понеслись картинки, кадры прошлого... Последние были наполнены шприцами, грязными хатами с какими-то людьми, зияющими мутной пустотой в зрачках...

– Ну, что? Так ли ты дорожила тем, что было у тебя? В чём именно была для тебя ценность? Как ты рассталась с земным миром? Ещё не вспомнила?

– Да кто ты такой, чтоб решать за меня, чем я там дорожила, а чем нет? Если всё обо всех знаешь, что же не отвёл, не помог? – внутри закипало варево злобы, выплёскиваясь, метя в невидимого обвинителя.

– Твоя земная жизнь была в твоей власти! Ты сама распоряжалась своим телом! Это был твой выбор!

От этого властного обличающего голоса холод сковывал всё существо... Не простой, привычный, морозный... Этот холод был вселенский... Холод вечности и необратимости...

Натянутое нутро лопнуло с жалобным стоном, разорвалось, разлетелось на миллиарды осколков...

– Нет! Нет! Пожалуйста! Я хочу вернуться назад! Я всё поняла! Я раскаиваюсь! Я хочу всё исправить и быть с ними! Позволь мне! Я буду лучшей!..

– Поздно! Назад пути нет! Всё, что ты сможешь теперь, – это наблюдать за их земной жизнью, видеть всё наперёд, но не иметь возможности ни помочь, ни предотвратить того, что их ждёт в их земном пути!..

Сжавшись в комок, тихо оплакивая себя, душа смотрела сверху на тех, кто был её семьёй... Бесприютная и одинокая...

– Мы же встретимся, правда? Когда-нибудь мы будем снова вместе? – тонкий росточек надежды тянулся, слепо тычась, в поисках поддержки...

– Будете. После. В следующем воплощении.

Душе оставалось ждать... Ждать и мечтать о неизведанном и желанном... О новой встрече...

СОН

Она ему приснилась. Приснилась спустя столько лет! Всё такой же молодой, счастливой... Волосы цвета спелой пшеницы, заплетённые в две тоненькие косички, лёгкие, светящиеся солнцем завитки волос вокруг лица... В лёгком ситцевом платье в мелкий цветочек. И в руках тоже цветы. Красные крупные гвоздики. И «Прощание славянки» где-то вдали играет оркестр на уличной сцене. Такой он её встретил тогда, на параде в честь Дня Победы. 60 лет прошло, а вот приснилась ведь той!..

– Что ж ты, Пётр, не нашёл меня, не вернулся, прощенья не вымолил? Ведь ждала тебя! Всю жизнь ждала! Других на версту не подпускала! Дочкам запрещала о тебе даже дурного слова сказать! А ты так и не нашёл

в себе силы... Теперь уже поздно... Я своё отжила, и ты, срок придёт, отживёшь... Но я в дочерней любви купалась, а ты – пнём сухим...

Проснулся он, лежал и вспоминал теперь жизнь прошедшую... Свадьба была через год после встречи той, потом дети, работа её, его, быт, командировки... Дёрнул чёрт за ногу позариться на другую, лёгкую, не обременённую семейными хлопотами... А жена узнала... Не простила. Ушла. Думал, что и без неё справится, ведь уже ни девичьего лица, ни фигурки тоненькой, ни косичек смешных... Направо и налево гулял, даже сниться перестала. Слышал только, уехала куда-то с дочками. Ни письма, ни звонка.

А тут вот как... Будто вчера всё случилось... И сердце затрепыхало. Нехорошо так... Как-никак, восемьдесят лет в этом году стукнет. Как она там? Тоже вроде не девочка... Дочки-то, поди, разлетелись по своим гнёздам... Дурак был... Променил своё счастье на однодневок, порастерял, что душу грело... Сейчас бы жили вдвоём в своей крохотной комнатушке, внуков нянчили на выходных, а то и правнуков... Пирогги б пекла... Да-а, знатные у неё пироги выходили... Даже вкус вспомнил... Всю жизнь свою по ветру пустил... И ведь снова май на дворе. Вернуть бы всё назад да исправить!..

В далёком городе на больничной койке тихо уходила старушка... От былых кудряшек цвета пшеницы остались лишь редкие волосинки... Ручонки сухонькие, тоненькие... Попросила вечером включить ей «Прощание славянки», глаза закрыла, а сама чуть заметно улыбается, только слёзы в уголках глаз горошинками стоят. Дочки, что дежурили подле, так и не заметили, как ушла старушка... Только марш этот всё звучал и звучал...